

УДК 81.161.1

РИСКОГЕННОСТЬ НЕСТАНДАРТНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ТЕКСТАХ СМИ И ЕЁ ПРИЧИНЫ

© 2018 г.

Д.В. Соловьёва

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

solovyova_dariya@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018

Рассматривается специфика нестандартных словообразовательных неологизмов, употребление которых на страницах современной общественно-политической прессы может мешать эффективности массовой коммуникации. Анализируются основные способы создания оценочного значения экспрессивных новообразований, ставших причиной появления конкретных коммуникативных рисков в языке СМИ.

Ключевые слова: рискогенность, коммуникативные риски, язык СМИ, словообразовательные неологизмы, экспрессивность.

Журналисты, используя возможности языковой системы, не просто описывают окружающую реальность, но и задают адресату определенное видение мира, управляют восприятием лиц и явлений, навязывают собственную оценку. Во многих медиатекстах самых разнообразных газетных жанров (от новостных заметок, репортажей до аналитических статей и авторских колонок) именно субъективные смыслы организуют структуру всего текста. Процесс «глобальной авторизации газетного дискурса», стремление к активному самовыражению позиции автора, «порой принимает форму манипулирования фактами и прямого давления на адресата, навязывания собственной точки зрения при освещении тех или иных событий» [1, с. 24].

Стремление журналистов добиться определенных целей, обусловленных редакционной политикой изданий или индивидуальной мотивацией, приводит к нарушениям эффективности речи: «Тенденции заботы об адресате, к сожалению, работает не у всех и не всегда, что порождает огромную реальную рискогенность любой современной коммуникации» [2].

Одной из главных причин возникновения коммуникативных рисков исследователи называют «неизбежную разницу апперцепционных баз адресанта и адресата, на которые всегда вынужден опираться как адресант при формировании своего сообщения, так и адресат при его восприятии» [3, с. 10]. Объектом журналистской деятельности является массовая аудитория, дистанцированная и разнородная, поэтому обеспечение доступности и приемлемости текста абсолютно для каждого читателя едва ли достижимо в условиях современной политической напряженности.

Среди наиболее вероятных коммуникативных рисков в сфере СМИ исследователи выде-

ляют риск возникновения **нежелательной эмоциональной реакции** адресата и **нарушение журналистом этических норм** при предоставлении информации. Изучение обозначенного явления представляется важным, так как «следствием неопределенных коммуникативных рисков, вызванных речевыми промахами, является превращение их в конфликтогены» [4]. Другими словами, рискогенность массовой коммуникации способна порождать конкретные социальные и профессиональные риски.

Окказионализмы нестандартной словообразовательной структуры, то есть созданные путем нарушения словообразовательной нормы, в лингвистических работах последних лет часто исследуются с точки зрения их экспрессивных возможностей: «По сравнению с окказионализмами стандартной словообразовательной структуры нестандартные окказионализмы, бесспорно, обладают большей экспрессивностью. Уже сама нестандартная структура окказионализма обуславливает его большую экспрессивность и соответственно экспрессивность текста» [5, с. 128]. По мнению ученых, «неологизм, фиксируя необычный способ выражения, сам по себе создает эффект новизны, современности, экспрессивности» [6, с. 41].

Изучение материалов современной прессы показывает, что сегодня повышается доля новообразований, которые могут мешать эффективности массовой коммуникации и способны провоцировать непрогнозируемое читательское поведение. Употребление оценочных окказионализмов, включение в словообразовательные игры заимствованной, разговорной, жаргонной и другой лексики не всегда способствует конструктивному диалогу и может увеличивать разрыв между адресантом и адресатом.

Нежелательный эмоциональный отклик, вызванный у адресата после прочтения информации, во многом обусловлен агрессивным речевым поведением журналиста. В связи с этим актуальным объектом лингвистических исследований последних лет является **феномен речевой агрессии**, под которым понимается «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализированной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [7, с. 17].

Для незуальных неологизмов характерна ингерентная, то есть не зависящая от контекста, оценочность. Такая оценочность может быть обусловлена структурой новообразования: экспрессией форманта, словообразовательной основы, способов словообразования или их сочетаемостью. Экспрессивность окказионализмов зависит и от других факторов: прецедентности, контекстуального окружения, индивидуально-авторской позиции и др.

Возможности словообразовательной системы языка используются современными журналистами при реализации тактики «навешивания ярлыков», которая является потенциально рискованной. Например, префикс *недо-* служит для образования существительных и глаголов со значением неполноты, недостаточности, неполноценности действия или качества. В следующих примерах наблюдается несоответствие мотивирующей основы параметрам словообразовательной модели: *Это всякие недо-СМИ, которые не имеют собственного контента, но им хочется иметь посещаемость, одновременно регистрироваться в поисковиках и иметь трафик, идущий с поисковиков* [АиФ. 2009. 1 сент.] – сочетание префикса с аббревиатурой; *Недозаявочная кампания* [Коммерсант. 2017. № 12] – с прилагательным; *Недотаманили*. «Тольяттиазот» потерял порт в Тамани [Наша Версия. 2017. 11 авг.] – окказионализм образован от несуществующего глагола *таманить*; *Торги для недоторговцев* [РБК. 2017. № 161] – несоответствие семантики аффикса и грамматического значения производящей основы. Исходные нейтральные лексемы приобретают экспрессивность благодаря оценочному аффиксу. Опасность в том, что открытые оценки зачастую могут не соответствовать представлениям, сложившимся у адресата, особенно если авторская мысль не подкрепляется адекватной рациональной аргументацией. Присутствие в материалах таких новообразований может быть воспринято читателем как элемент психологического давления.

На конфронтацию общественно-политических сил указывают политически маркированные новообразования с префиксом *анти-* на базе одушевленных имен собственных, которые в норме не предполагают развития семантики противоположности: *Антисталин* [Новая газета. 2017. № 69]. Указанный префикс также может присоединяться к потенциальным прилагательным и существительным, которые созданы на базе личных имен: *Можно выделить два фундаментальных фактора антирамповской ненависти* [Завтра. 2015. № 10]; *Понятно, что поставленный в такие рамки президент «Украины», оставив у себя «в тылу» практически готовый «антипорошенковский» мятеж, бросил всё и полетел в США, надеясь вымолить для себя – на любых условиях – продление президентских полномочий* [Завтра. 2017. 19 сент.]. В данных примерах приставка *анти-* привносит в текст дополнительные отрицательные смыслы, новообразования приобретают коннотацию ‘враждебность чему-либо’. Допуская уместность вышеуказанных новообразований на базе имен собственных в медийном дискурсе, отметим, что перенасыщение ими текстов способно увеличивать уровень социального и политического напряжения в обществе.

В политической коммуникации широко представлены наименования лиц, негативно характеризующие представителей и сторонников публичных фигур. В создании таких новообразований чаще всего участвуют суффиксы *-ист-* и *-ец-*: *Навальнисты против собачковцев* [Завтра. 2018. 11 янв.]; *Навальнист задержан за нападение на журналиста* [Завтра. 2018. 2 февр.]. Заметим, что выбор словообразовательного форманта подчинен редакционной политике печатного издания. Так, в «Новой газете», сочувствующей оппозиции, читаем: *Как пугают «навальнят»*. *Политически активные школьники и студенты попали под психологический пресс* [Новая газета. 2017. № 140] – с помощью суффикса *-ят(a)*, участвующего в создании имен существительных со значением незрелости, журналист обозначает подрастающих сторонников оппозиционера Алексея Навального.

Фамилярное отношение автора к объекту высказывания отражает выбор словообразовательных типов, характерных для разговорной речи: *Белоруссия продолжает экспертизничать*. *Страна отказалась ослабить торговые ограничения для партнеров по ЕАЭС* [Коммерсант. 2018. № 16] – окказиональная лексема *экспертизничать* создана по типу глаголов несовершенного вида с суффиксом *-нича-/ича-*, мотивированных прилагательными, со значением «совершать действия, характеризующиеся

признаком, названным мотивирующим прилагательным» (*капризничать, своенравничать, своевольничать* и пр.). Такие глаголы означают отрицательно оцениваемые занятия, поступки [3, с. 340]. В данном случае происходит отклонение от условий словообразовательного типа, так как мотивирующим словом является существительное *экспертиза*. Под маской лукавой иронии журналист дает понять, что Белоруссия находится в подчиненном положении. Отказ страны отменять обязательную экспертизу для ввозимых на её территорию товаров носит лишь временный характер: ответные санкции России быстро изменят решение белорусских властей.

Контаминированные новообразования, в которых совмещаются формально тождественные части исходных слов (с возможными структурными видоизменениями), чрезвычайно удобны для выражения авторской позиции, так как в них наблюдается удвоение семантики слова. С одной стороны, такая словообразовательная игра является эффективным экспрессивным средством, используется преимущественно в заголовочных комплексах и нацелена на привлечение аудитории: *Калинингром* (*Калининград + гром*). Как на форуме заслушали отголоски послания [Коммерсант. 2018. № 38]. *Памироторческая* инициатива (*Памир + миротворческий*). Как Владимир Путин встретился с Эмомали Рахмоном [Коммерсант. 2017. № 34]; *Кремлевая* долина (*Кремлевая (долина) + Кремль*). Приехав в «Яндекс», Владимир Путин не скрывал своего отношения к компании и ее создателю [Коммерсант. 2017. 22 сент.]; *Успехи в сфере трампономики* (*Трамп+экономика*). Какой может стать экономика США при новом президенте [Коммерсант. 2017. № 34]; *Карточный думик* (*Дума + домик*). Подробности поствыборного скандала в «Справедливой России» [Новая газета. 2016. № 110]; *Глубоко доверяющие* (*доверять + верующие*). Как Владимир Путин знакомился с теми, кому он доверяет [Коммерсант. 2018. № 17].

С другой стороны, экспрессивность контаминантов, обусловленная способом словообразования, усиливается, если в качестве одного из производных используется слово, семантика которого вызывает у аудитории резко негативные ассоциации: *Умоповмешательство* (*умопомешательство + вмешательство*) неизлечимо. Конгресс готовит России новые санкции по итогам собственных выборов [Коммерсант. 2018. № 27] – негодование журналиста связано с появлением информации об усилении санкций в отношении России из-за предположения американских властей, что Москва вмешивается в выборы в Конгресс; *Жизнь с абсурдопереводом*

(*абсурд + сурдоперевод*). Пора проводить реформы. И помахать им вслед рукой [Новая газета. 2015. № 65] — поводом для написания статьи стал случай в Ульяновске, когда собаку посчитали пользователем услуг ЖКХ и включили в квартплату. Рискогенность представленных окказионализмов связана с негативно-оценочной семантикой отдельных производящих слов – *умопомешательство, абсурд*. По мере усиления авторской категоричности возрастает «коммуникативная напряженность» медийного текста. Подобные словесные игры могут повышать уровень агрессивности в общественном пространстве, делая невозможным единение разномыслящих членов коммуникации.

Снижение коммуникативной эффективности текста нередко связано с новообразованиями, в состав которых входит стилистически сниженная, просторечная, жаргонная лексика: *Еврофуфел*. Три бывшие республики СССР отчалили от России и не пристали к Европе. Украинские экономисты, консультировавшие правительство по вопросу подписания ассоциации с Евросоюзом, не менее квалифицированные специалисты, нежели их российские коллеги, не смогли отличить «еврозамануху» от «еврофуфела» по одной лишь причине [Наша Версия. 2014. № 25] – в основе неологизмов используется нелитературная лексика – *фуфел* (жарг. ‘фальшивая монета, подделка’) и *замануха* (разг. ‘вовлечение во что-либо’). Создаваемая таким образом явная негативная оценочность новообразований в материале серьезной политической проблематики не является оправданной, может оттолкнуть читателя, расценившего данные словоупотребления как признак неуважения.

Вполне обоснованными являются опасения лингвистов, связанные с использованием сниженных элементов на страницах прессы как самостоятельно, так и в составе окказиональных слов: *Импортоблом*. Попытки отказаться от поставок из-за границы провалились [Наша версия. 2018. 19 марта] – замена второго корня существительного *импортозамещение* на слово из молодежного сленга *облом* (жарг. ‘неудача, разочарование’), которое семантически обыгрывается в производном слове; *Хамнет*. Тонны жестокости и хамства день и ночь плещутся в русской Сети [Новая газета. 2009. № 63] – гибридное слово образовано путем синтеза двух узуальных слов *Интернет + хам* (разг. ‘бессовестный, наглый человек’); *СкриПалево*. Кто и с какой целью пытался убить помилованного предателя Сергея Скрипаля [Наша Версия. 2018. № 11] – междусловное наложение с усечением финальной части имени собственного *Скрипаль + палево* (жарг. ‘внезапно возникшая

опасность'). При этом в новообразовании-гибриде графически выделяется часть, которая соответствует узуальному слову, выражающему ироническое отношение автора к описываемой ситуации. Свободное использование нелитературной лексики способствует навязыванию читателю антисоциального образа мысли, действий, проникновению субкультуры преступного мира в гражданскую среду: коммуникативные риски превращаются в риски социального характера, предупредить которые объекты коммуникации не в силах.

Намеренное тиражирование некодифицированных элементов языка на страницах российской прессы позволяет читателям вольно или невольно воспринимать их как допустимые, активно использовать их в повседневной речи, что может привести к общему снижению уровня речевой культуры общества. Журналисты при подготовке текстов должны учитывать разницу в восприятии информации через актуальные коммуникационные каналы людьми молодого и старшего поколения, не говоря уже об адресатах различной речевой культуры.

Игнорирование законов успешной коммуникации часто происходит из-за того, что в СМИ рациональные аргументы подменяются аргументами эмоциональными, иррациональными, журналисты осознанно апеллируют к чувственному опыту читателя, не убеждают его, а внушают ему определенные, как правило, негативно заряженные мысли. Излишняя эмоциональная окраска медиатекста провоцирует **риски судебных разбирательств**. Смелость (или некомпетентность) журналиста ставит под угрозу репутацию всего общественно-политического издания: *Дуристинская компания. Глава Ростуризма Сафонов просит 70 миллионов из бюджета на свои мечты* [Наша Версия. 2018. 26 марта] – новое слово создается путем контаминации с усечением финали первого слова *дуристь* + *туристинская*. Подобные заявления на страницах массовой прессы с высокой долей вероятности могут инициировать судебный конфликт. Поэтому перед тем как публиковать материал, журналист должен обладать достаточной доказательной базой, а не использовать выразительные средства языка только с целью привлечь и удержать внимание массовой аудитории.

«Дерзкие» словообразовательные эксперименты могут дискредитировать образ журналиста и всего печатного издания в глазах читателей, привести к нарушению важнейших **этических принципов**. «Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания» [8] – эта морально-нравственная установка является

незыблемой вне зависимости от тематики материалов. Однако в реальности данное правило соблюдается не всеми журналистами: *Заунырился. Как долго Алексею Улюкаеву сидеть на тюремных нарах?* [Наша Версия. 2017. 18 дек.] – новообразование создается по модели префиксально-постфиксальных глаголов с префиксом *за-* и постфиксом *-ся* в значении «в течение длительного или чрезмерно длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться (забегаться, заслушаться, заиграться и др.)» [3, с. 384]. Негативная экспрессия предопределена характером производящего слова – существительным *упырь* (жарг. ‘мелочный, подлый человек’).

Оскорблением не отдельно взятой личности, а всего общества можно считать заголовок следующего материала, в котором журналист рассуждает о причинах громких допинговых скандалов: *Орден моченосцев (моча+меченосцев). В допинговом скандале и унижении России виноват Минспорт* [Наша Версия. 2017. 11 дек.] – пейоративная коннотация окказионального слова унижает честь и достоинство российских спортсменов, которые и так оказались в оскорбительном положении в международном сообществе. Подобные высказывания не содействуют гармоничному общению адресанта и адресата, могут оказать угнетающее воздействие на читательскую публику.

«Эксплуатация горя» – еще одно проявление рискогенности, напрямую связанное с нарушением журналистами моральных принципов. Современные авторы любят смаковать жуткие подробности трагических событий и происшествий, их не останавливает двусмысленность высказываний, тот эмоциональный фон, который стоит за освещаемой проблематикой: *В состоянии полной расстрелянности (расстрел + растерянность). Украина решила испытывать свои ракеты под Симферополем* [Коммерсант. 2016. № 220 (П)] – информационным поводом для написания материала было решение Минобороны Украины о проведении ракетных стрельб под Симферополем. Ирония журналиста кажется абсолютно безжалостной на фоне драматических событий на Украине последних лет.

В погоне за выразительностью журналист намеренно пренебрегает элементарными правилами нравственности – описание трагических событий и их последствий превращается в циничный фарс: *Залайканные до смерти* [МК. 2016. 22 ноября] – причастие образовано от сленгового слова *лайкать* (*ставит «лайк»* – ‘высказывать одобрение’). В контексте актуализируется значение уже упомянутой словообразова-

тельной модели глаголов с префиксом *за-* «доведение действия до излишества, до крайней степени» [3, с. 384]. По своей сути производящее слово является нейтральным, однако иронически-пренебрежительная окраска слова поддерживается тематикой публикации: в материале обсуждаются причины роста количества детских самоубийств.

Продуцируемые деривационные эксперименты, противоречащие принципам гуманизма, журналисты воспринимают не как нарушения законов этики, а как хлесткую, а значит, удачную языковую игру: *Убоинг* (*убить* + *Боинг*). *Дубайским лайнером управлял усталый пилот* [Наша Версия. 2016. № 12]; *Карабахнуло* (*Карабах* + *бахнуло*)! *Кто и зачем разогрел армяно-азербайджанский конфликт?* [Наша Версия. 2016. № 14]. Между тем иронические ассоциации, возникающие благодаря контаминированным образованиям, являются недопустимыми: они подогревают нездоровое любопытство массовой аудитории, а не способствуют конструктивному отражению действительности.

В следующем примере повышение рискогенности обусловлено несколькими факторами: *«Дотолерастились»: почему уже не удивляешься, когда насильника зовут в студию и встречают аплодисментами* [Новая газета. 2018. № 5]. Во-первых, здесь нарушается словообразовательное правило: префиксально-постфиксальные глаголы мотивируются глаголами, а не существительными. Значение глагола – «довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом» (*доработаться, добежаться* и пр.) [3, с. 384]. Во-вторых, отрицательная коннотация усиливается за счет создания новообразования на базе неологизма – *толераст*, переключаясь с обсценной лексемой. В-третьих, сама по себе освещаемая тематика является эпатажной и непристойной.

Самый высокий уровень эксплицитной негативной оценки, нарушающий всевозможные этические и эстетические нормы, создается перекличкой окказионального слова со словами и выражениями обсценного характера: *Крымец Украине. Страну разорвут на куски, как лоскутное одеяло* [Наша Версия. 2015. № 40]; *Полный мобилизец. Всё ли у нас на самом деле готово к тому, что завтра – война?* [Наша Версия. 2017. № 49]; *Совсем охранили!* [Новая газета]; *Тем более, когда речь идет о путинской России, которая «скрымздила» у Украины якобы «сакральный» (определение Путина) Крым <...>* [МК. В новом свете. goo.gl/GxjDYJ]; *ЕГЭнутья можно! Зону экзаменов Минобрнауки окончательно превратило в тюремную*

зону [Наша Версия. 2014. № 22] – грубо-агрессивный характер словообразовательных неологизмов передает мощный заряд негативной экспрессии и способен отрицательно влиять на языковой вкус общества, провоцировать ответную агрессию.

Итак, экспрессивность представленных нестандартных новообразований, провоцирующая конкретные коммуникативные риски, может быть обусловлена различными факторами: негативно-оценочной семантикой отдельных элементов неологизмов (форманта и/или основы), использованием в качестве мотивирующих слов стилистически сниженной, просторечной, жаргонной, обсценной лексики, выбором экспрессивных словообразовательных типов или окказиональных способов словообразования. Кроме того, при анализе оценочных новообразований следует учитывать их контекстуальное окружение, тематическую направленность статьи, а также коммуникативную политику печатного издания в целом.

Как показывает анализ, нецелесообразные словообразовательные эксперименты могут ухудшать качество информации, её точность и логичность, оценочные новообразования на страницах современных СМИ все чаще являются этически неприемлемыми, способны вызывать негативные эмоции у читателя, провоцировать его недовольство, агрессию.

При использовании тех или иных словообразовательных средств журналист обязан учитывать интересы читателей, уровень их речевой культуры, знания, социальный статус и др. Сегодня подлинная объективность считается достижимой лишь условно, как правило, она подменяется объективностью «мнимой». Зачастую журналистам не удается выбрать из непрерывного избыточного потока информации наиболее существенные моменты и адекватно донести их до реципиента. С одной стороны, выступая посредниками между окружающей действительностью и массовой аудиторией, журналисты могут намеренно использовать выразительные возможности языка, пытаясь манипулировать сознанием читателя. С другой стороны, возникающие коммуникативные риски могут являться следствием неспособности авторов публикаций компетентно разобраться в освещаемой проблематике. В последнем случае накладывает отпечаток необходимость в оперативном представлении информации, а также то, что неотъемлемой частью современного медийного пространства являются информационные войны.

Список литературы

1. Кормилицина М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Меж-

вуз. сб. научн. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2008. Вып.8. С. 13–33.

2. Сиротинина О.Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. Саратов, 2017. № 1. С. 25–37.

3. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.

4. Шкатова Л.А. Рецензии. Обзор // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 13 (395). Вып. 104. С. 149–150.

5. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М.: Флинта; Наука, 2015. 136 с.

6. Сулименко Н.Е. Аномальные явления в зеркале неологического словаря // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. II. Ч. 3. СПб., 2006. С. 25–45.

7. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. 160 с.

8. Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista/index.php (дата обращения: 01.04.2018).

THE RISKINESS OF USING SUBSTANDARD WORD-FORMATIVE NEOLOGISMS IN MEDIA TEXTS AND ITS CAUSES

D. V. Solovyova

This article examines some specific features of non-standard word-formative neologisms. Their use in modern media may affect negatively the effectiveness of mass communication. An analysis is presented of the main ways of producing attitudinal meaning of expressive neologisms that have caused specific communicative risks in the media.

Keywords: risk, communicative risks, media language, word-formative neologisms, expressiveness.

References

1. Kormilicyna M.A. Nekotorye itogi issledovaniya processov, proiskhodyashchih v yazyke sovremennyh gazet // Problemy rechevoj kommunikacii: Mezhdvuz. sb. nauchn. tr. / Pod red. M.A. Kormilicynoj, O.B. Sirotninnoj. Saratov, 2008. Vyp.8. S. 13–33.

2. Sirotninina O.B. Chto meshaet ehffektivnosti sovremennoj kommunikacii? // Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. Saratov, 2017. № 1. S. 25–37.

3. Russkaya grammatika. T. 1. M.: Nauka, 1980. 789 s.

4. Shkatova L.A. Recenzii. Obzor // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 13 (395). Vyp. 104. S. 149–150.

5. Raciburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. Specifika sovremennogo medijnogo slovotvorchestva. M.: Flinta: Nauka, 2015. 136 s.

6. Sulimenko N.E. Anomal'nye yavleniya v zerkale neologicheskogo slovarya // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. II. Ch. 3. SPb., 2006. S. 25–45.

7. Petrova N.E., Raciburskaya L.V. Yazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agrescii: Ucheb. posobie. M.: Flinta; Nauka, 2011. 160 s.

8. Kodeks professional'noj ehtiki rossijskogo zhurnalista [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista/index.php (data obrashcheniya: 01.04.2018).